

УДК 821.512.111 (092)

Г.А. ЕРМАКОВА

ИСТОКИ МОТИВОВ СВЕТА, ОГНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. СЕСПЕЛЯ И Г. АЙГИ*

Ключевые слова: этнос, философия, свет, художественный мир, мировидение миропонимание, древняя чувашская вера.

Рассмотрены истоки мотива света в лирике М. Сеспеля и Г. Айги, выявлены основы философии чувашского этноса.

G.A. ERMAKOVA

LIGHT AND FLAME MOTIVE ORIGINS IN ART LITERATURE OF SESPEL AND AIGI

Key words: ethnos, philosophy, light, art world, world vision and understanding, ancient Chuvash religion.

Light motive origins in Sespel's and Aigi's lyrics are considered, basic people philosophy of Chuvash is depicted.

В статье представлены элементы национально-мифологического сознания чувашского народа в творчестве крупнейших поэтов Чувашии Г. Айги и М. Сеспеля, в частности, осмыслены истоки тем света и огня в их творчестве.

В раскрытии проблемы истоков мотивов света, огня существенный интерес для нас представляет труд В.К. Магницкого [5].

В главе «Христианские святыни, чтимые Чувашами» ученый замечает, что русские, поселившиеся среди чувашей, явились на новое местожительство с таким мирозерцанием, «которое в сущности ничем не отличается от чувашского» [5, с. 220], этот довод говорит в пользу того, что чувашаи с древних времён молились единому Богу, о чём поведал и И.Н. Юркин в представлении этнографическому отделению общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В частности, он заметил: «... религиозные верования его скорее указывают нам на остаток некогда господствовавшей религии, которая ещё хорошенько не исследована... Чуваши молятся Богу» [11, с. 143-144].

В.К. Магницкий в своём исследовании заметил, что чувашаи молятся около рек, озёр, лесов, оврагов, обращаясь при этом к единому Богу. И. Н. Юркин в своём представлении заявляет о том же, в частности, он пишет: «Хотя чувашаи молятся около оврагов, рек, озёр и лесов, но они их за божество ничуть не признают, а признают как святые уединённые места для жертвоприношений Всевышнему Богу» [11, с. 144].

Согласно И.Н. Юркину, в чувашской религии упоминаются солнце, месяц, другие предметы «в смысле Бога – творца земли, солнца, луны» [11, с. 144]. И.Н. Юркин ещё в 1891 г., в год подачи представления [22 августа 1891], возмущался «поверхностностью, необычностью в исследовании чувашской религии» [11, с. 144]. Сегодня наметилась тенденция осмысления старинной веры чувашей [И.А. Дмитриев, Н.И. Егоров, Ю.В. Яковлев], но глубокого исследования пока ещё не имеется, в нашу задачу это также не входит, наша задача – объяснить наличие тем света, огня, Бога в творчестве Г. Айги и М. Сеспеля.

* Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0119 «Когнитивно-лингвистическое моделирование аргументаций в разноструктурных языках» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Для объяснения нам пришлось обратиться к отдельным источникам, говорящим о поклонении чувашей единому Богу, огню, свету.

Таким образом, исследования В.К. Магницкого [5], И.Н. Юркина [11], И.А. Дмитриева [8, с. 119-143], Ю.В. Яковлева [12, с. 142-144], Н.Я. Марра [6, с. 3-77], П.В. Денисова [4, с. 3-408] позволили нам сделать вывод о том, что истоки тем света, огня, Бога, в творчестве Г. Айги [Айги] и М. Сеспеля восходят к древней чувашской вере, той вере, где чуваша поклонялись, как заметил И.Н. Юркин, единому Верховному Богу [11], когда у них был свой чувашский мир, закладывался фундамент чувашской идеи, в основе которой лежит понятие «свет».

Будем исходить из того, что языком М. Сеспеля и Г. Айги говорит язык старой чувашской веры, может быть, той, доисторической эпохи, когда «тотемный Бог племени служил общим названием вообще бога Тог-э – Тигэ» [6, с. 15].

Предки чувашей, по В.К. Магницкому, поклонялись огню, например, во время повальной болезни варилось пиво и каша, но непременно на так называемом «живом огне», добытом через трение кусков дерева, положенных крестообразно друг на друга [5, с. 248]. Если младенец рождался слабым, то чуваша, как замечает ученый, «разложив на полу огонь, жгут местечко, не отрезывая пуповины» [5, с. 56], заболевшего младенца «до 3 раз просовывали в печь, поверх горящих углей» [5, с. 140], при прочтении молитвы при закладке фундамента [«нигис путты»] «йомзя одну ложку каши бросал в огонь, на котором она варилась, затем... принимался кушать её сам» [5, с. 109].

По поверьям чувашей, борозда, проведенная вокруг деревни, сохраняет её от болезней. В.К. Магницкий подробно описывает обряд опаживания селений [«Хир соги»] [5, с. 135-136], говорит, что к началу обряда во всех домах тушился огонь, после опаживания сохой в поле выносили две дубовые плахи, из коих одна обделывалась наподобие пилы, а другая клалась плашмя, затем двое начинали их тереть для получения огня.

Добыв огонь, участники процессии разносили его по домам [5, с. 136-137], через огонь, разведённый у полевых ворот, прогоняли скот, в это время читались молитвы с обращением к Богу. Не эти ли голоса обрядов слышатся в стихотворениях Г. Айги [Айги] и М. Сеспеля? Например, в произведении Г. Айги «Поле старинное» почти всё пространство стихотворения отдано кресту, это символизирует не тот ли крест, что клали предки в поле, где путём трения добывали огонь, обращаясь к Верховному Богу за помощью: «Во имя Бога» [5, с. 135]?

У Айги читаем:

о Божий
в творении Облика из Ничего
зримо пробивший
и неумолкающий
РАЗ

+

в образе Поля [2, с. 101].

Стихотворение выразительно, что создаётся за счёт ассонансов на [о] [«Божий», «Облика», «Ничего», «образ» «Поля»], [а] [«Раз», «неумолкающий»], повторяющихся окончаний [-ий]: «Божий», «пробивший», «неумолкающий», – создающих рифму, устремляющую ввысь за счёт звука [й]. Повторяя окончания, присущие слову «Божий», поэту удаётся выделить это слово, сделать его стержнем произведения.

Местом моленья, обращения к Богу, как сообщает В.К. Магницкий [5, с. 136-137], было поле. В образе поля видится Верховный Бог. Через причастие «пробивший» поэту удастся «зримо» представить пробившийся огонь от трения дубовых брёвен, огонь этот, пробившись, не умолкает, он есть свет поля, образ Бога, это Бого-Присутствие чувствуется поэтом. Очевидно, через образы данного произведения говорит прапамять. В произведении «Снег с перерывами» поэт замечает, что этот «единственный» сон лишь ему понятен, что «выбор» поэтом «сделан», оттого «ясен день», слышится поэту «Ясность»:

из мира

вдруг его осмыслив:

легко и мирно взятого [1, с. 117-118].

В этом произведении дважды появляется знак креста:

[о сон мой в розах + сон в местах белеющих]

[о снова ты:

свобода + сон]...

«Крест как символ, – замечает А.К. Салмин [9, с. 57], – у чувашей имеет глубокие корни». Крест на хлебе, рябиновый крестик на шее телёнка, крест как элемент орнамента – все они, согласно А.К. Салмину, означают солнце [9, с. 57], свет, огонь.

Художественное пространство анализируемых нами поэтов пронизано мотивами солнца, огня, света. Наша цель – выявить их истоки. Для решения поставленной задачи обратимся к исследованиям ученых нашего региона.

Тема света пронизывает обряд моления древних чувашей. Например, завершая моление в честь нового хлеба [5, с. 57-92], чуваше Байтеряковского прихода, Тетюшского уезда, оборотившись к отворённой двери, держа в руках чашки с пивом, произносили поочерёдно определенные слова: «Хвала Богу, хранителю здоровья, дающему жизнь и избавляющему от злых демонов. Хвала карающему Богу, живущему в оврагах и пропастях земных. Хвала Богу, сотворившему душу человека. Хвала Богу, сотворившему, по благодати своей, хлеб и прочая земные растения. Хвала светлому миру. Хвала отцу и матери солнца. Хвала отверзающимся небесам. Хвала пророку. Хвала курбану. Хвала неисчерпаемой щедрости, отцу и матери её. Хвала отцу и матери светлого озера. Хвала отцу и матери ветра, его заразам, переносящимся вследствие вихря от разных стран. Хвала отцу и матери земли, ея испарениям, производящим всякие опасные заразы» [5, с. 91].

Молящиеся благодарили мир, называя его светлым, мать и отца озера называли тоже светлым [5, с. 91]. При описании данного обряда ученый останавливается на «Тур-килли». «Тур – по Алтайски, Киргизски – значит «угол дом», – замечает В.К. Магницкий, – передний угол против двора, почётное место». У чувашей, согласно учёному, под именами «тур-килли» «разумеется духовнопоклонение, место поклонения духам, живущим в запустелых строениях, на пустырях, не имеющим никакого образа», но он, как сообщает ученый, со слов С. Петрова, проявляется в виде сияния [5, с. 79].

В. Алексеев в статье «Свет и тепло» представил идею чувашского художника Н. Плониша, которая есть свет. В статье имеется интересная для нас мысль, которую произносит пожилой мужчина-чуваш, живущий в XX столетии, он говорит о древних чувашских богах: «Бог – это Солнце. Чуваше – народ хитрый. Когда их покорили русские, потребовали, чтобы они отреклись от своих древних богов – Киреметя, Пихамбара, Пюлехса, даже слово «турё» [Бог] хотели заменить. Но деды наши сказали: «Вашего Спасителя признаём, но

жить будем и надеяться на своих Всевышних. Пришлый Бог он и есть пришлый» [3, с. 171-175].

В словах пожилого мужчины представлено мировидение чувашского народа, в котором сохранена вера в Верховного Бога, в других богов, где видна вера в свет, от их имени говорят как чувашский художник Н. Плониш, так и поэты М. Сеспель и Г. Айги, через произведения которых говорит прапамять, в основе которой свет. Картины Н. Плониша «Доброе утро, Юлиана», «Колыбельная земли», «Чуть-чуть передохну», «Портрет матери» созвучны произведениям Айги, представляющим тему света, произведению М. Сеспеля «Пашня нового дня», их истоки, мы считаем, – древняя чувашская вера, которая прославляет «сут тёнче» [светлый мир].

Чувашские пословицы и поговорки, посвящённые «сутӑ» [свет], отражающие мировидение наших предков, также доказывают то, что чувашаи истари почитали «свет». Приведём отдельные из них: «Сутӑ кун сутти пурне те ситет» [Света светлого дня для всех хватит]. «Сутӑ кун суттипе уйӑх суги тёнче тытӑ» [Свет светлого дня и луны Вселенную держит]. «Сутӑ кун ячӗ сул парать» [Светлого дня название дорогу открывает] [7, с. 110].

Итак, мы, как и В.П. Станьял, считаем, что школа М. Сеспеля, как и Айги, «незыблемо держится на чувашском миропонимании», в основе которого почитание добра и света [10, с. 99-115].

Таким образом, мы можем сказать, что в художественном пространстве поэтов представлено мировидение предков, в основе которого обозначен путь к сакральному.

Истоками мотивов света, огня в лирике чувашских поэтов является национальное миропонимание.

Литература

1. Айги Г.Н. Здесь. Избр. стихотворения, 1954–1988 / Г.Н. Айги. М.: Современник, 1991. 288 с.
2. Айги Г.Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. 1955-1989 / Г.Н. Айги. Сов. писатель, 1992. 320 с.
3. Адж М. Все мы родом из степи / М. Адж // Лик Чувашии. 1995. № 3. С. 129-131.
4. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки / П.В. Денисов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 408 с.
5. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. Казань, 1881. 267 с.
6. Марр Н.Я. Чувашаи – яфетиды на Волге / Н.Я. Марр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1926. 77 с.
7. Патмар И.А. Народная мудрость / И.А. Патмар, Э.И. Патмар. Цивильск: Цивильская типография Мин. инф. и печати Чуваш. респ., 1995. Кн. 5. 110 с. Из содержания. С. 4. [На чуваш. яз.]
8. Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия М. Сеспеля: материалы междунардн. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения поэта: в 2 кн. / под ред. А.А. Трофимова, В.П. Никитина, А.П. Хузангая. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. 240 с., Кн. 2. 188 с.
9. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей / А.К. Салмин. Чебоксары: Чуваш. гуманитар. ин-т, 1994. 339 с.
10. Станьял В.П. Итоги сеспелеведения: этико-философские и литературно-поэтические уроки классика / В.П. Станьял // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля: материалы междунардн. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 18 октября 1999. Чебоксары ЧГИГН, 2001. Кн. 1. С. 99-115.
11. Юркин И.Н. В этнографическое отделение общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Ивана Николаевича Юркина представление / И.Н. Юркин // Лик Чувашии. 1995. № 3. С. 142-144.
12. Яковлев Ю.В. Личность, способная увлечь за собой / Ю.В. Яковлев // Лик Чувашии. 1995. № 3. С. 142-144.

ЕРМАКОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ermakil@yandex.ru).

ERMAKOVA GALINA ALEKSEYEVNA – doctor of philological sciences, professor, head of Chuvash Language Teaching Methods and Literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.
